

Зотова Наталья Владимировна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭВЕНКИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ Н. КАЛИТИНА)

В статье раскрываются основные способы реализации категории эмотивности в художественном тексте на примере произведений Н. Калитина "Бултамни" ("Охотник"), "Бугады мо" ("Священное дерево") на эвенкийском языке. Анализ художественных текстов показывает, что специфика письменной речи ограничивает использование средств, приемлемых для реализации эмотивной функции в устной речи. В связи с этим использование междометий и средств фонетического уровня для выражения эмотивности в художественном тексте уступает место средствам и приемам лексического и синтаксического языковых уровней.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 1. С. 76-79. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. **Машина Времени. Кошка, которая гуляет сама по себе** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mashina-vremeni.com/Notnaya/CHORDSbest.htm#koshka> (дата обращения: 25.08.2016).
9. **Панфилов В. З.** Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982. 356 с.
10. **Рябцева Н. К.** Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка: языки пространств: сб. науч. тр. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 109-116.
11. **Спиркин А. Г.** Формирование абстрактного мышления на ранних ступенях развития человека // Вопросы философии. 1954. № 5. С. 62-81.
12. **Фрумкина Р. М., Михеев А. В., Мостовая А. Д., Рюмина Н. А.** Семантика и категоризация. М.: Наука; АН СССР, ИЯ, 1991. 168 с.
13. **Харитончик З. А.** Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний: сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1992. С. 98-123.
14. **Химик В. В.** Количественность как функционально-семантическая категория и понятие квантитатива // Проблемы лексикологии и семасиологии русского языка: лингвист. сб. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1977. Вып. 9. С. 125-130.
15. **Brewer E. C.** The Dictionary of Phrase and Fable. N. Y.: Galley Press, 2000. 1324 p.
16. **Curme G. O.** A Grammar of the English Language: in 3 vol. Boston – N. Y. – Chicago, etc.: Heath, 1935. Vol. 2. Parts of Speech and Accidence. 370 p.; Vol. 3. Syntax. 616 p.
17. **Funk and Wagnalls Standard Desk Dictionary.** USA: Funk and Wagnalls, 1983. 878 p.
18. **Hook J. H., Mathews E. G.** Modern American Grammar and Usage. N. Y.: Ronald, [cop. 1956]. 475 p.
19. **Jespersen O.** Essentials of English Grammar. L.: Allen & Unwin, 1948. 387 p.

**EVOLUTION OF THE CATEGORY OF COLLECTIVITY
(BY THE MATERIAL OF COLLECTIVE NOUNS IN THE ENGLISH LANGUAGE)**

Zhivokina Maiya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Military Educational-Research Center of Air Force
“Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin” in Voronezh
binemaya@mail.ru

The article is devoted to one of the most important categories of the language – the category of collectivity. The main stages of its development are considered. An overview of this category is given from traditional and cognitive perspectives basing on the works of Russian and foreign scientists. The consideration of the category of collectivity in general and collective nouns in particular not only in synchronic/diachronic, but also in traditional/cognitive aspect is of certain practical and theoretical value to researches within this framework.

Key words and phrases: quantitative uncertainty; category of collectivity; collective nouns; linguistic representation of category; cognitive aspect of category.

УДК 811.512.2

В статье раскрываются основные способы реализации категории эмотивности в художественном тексте на примере произведений Н. Калитина «Бултамни» («Охотник»), «Бугады мо» («Священное дерево») на эвенкийском языке. Анализ художественных текстов показывает, что специфика письменной речи ограничивает использование средств, приемлемых для реализации эмотивной функции в устной речи. В связи с этим использование междометий и средств фонетического уровня для выражения эмотивности в художественном тексте уступает место средствам и приемам лексического и синтаксического языковых уровней.

Ключевые слова и фразы: эмотивность; эмоция; эмоциология текста; письменная речь; устная речь; эмотивная функция языка; аффектив.

Зотова Наталья Владимировна
Удмуртский государственный университет
tyurikalova@mail.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭВЕНКИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ Н. КАЛИТИНА)**

В последнее время вопрос изучения эмоций приобретает все большую популярность. Это неудивительно, ведь многие ученые и исследователи отмечают способность эмоций проникать в различные сферы человеческой деятельности. В частности, как утверждает А. Н. Леонтьев, «эмоции выполняют функцию регулирования активности субъекта путем отражения значимости внешних и внутренних ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [Цит. по: 12, с. 11]. К. Изард подчеркивает, что люди всегда в некоторой степени испытывают какую-либо эмоцию, или же что не существует действий и поступков без аффекта [8]. В. Н. Телия также отмечает: «...чувство – это всегда отношение субъекта к переживаемому им миру. Абстрактных чувств

не существует» [15, с. 5]. Исследуя работы Ш. Балли, Р. Будагова подчеркивает важное значение эмоционально-аффективной составляющей в языке и слове, поскольку «говорящему обычно вовсе не безразлично то, о чем он говорит» [4, с. 8]. Как справедливо утверждает О. Е. Филимонова, «эмоции пронизывают язык, и какой бы проблемой ни занимался лингвист, можно с уверенностью сказать, что на каком-то этапе исследования он сталкивается с определенным аспектом проявления в языке эмотивной функции» [13, с. 36].

Необходимо отметить, что интерес ученых к изучению эмоций и их выражению в последние десятилетия проникает в различные сферы и научные направления, охватывает ряд дисциплин, таких как социология, философия, психология и др. Чем более подробно изучается сфера человеческих эмоций, тем больше возникает новых проблем и вопросов, требующих решения. Одним из таких вопросов является реализация эмоций в художественном тексте. Как отмечает В. И. Шаховский, в лингвистике эмоций можно разграничить «проблемы, уже сложившиеся в несколько приоритетных направлений» [16], среди них ученый выделил эмоциональную окраску текста. О важности данного направления говорит и О. В. Александрова: «... язык как общественное явление не может быть оторван от жизни общества, от общественной жизни данной совокупности людей. Поэтому, когда мы говорим о соотношении устной и письменной форм языка, мы не должны упускать из виду того, что письменная речь для культурного языка имеет очень большое значение» [1, с. 5]. Однако всяческий анализ текста, в том числе с точки зрения реализации эмотивной функции, предполагает некоторое понимание того, что собой представляет эмоция, каким образом она реализуется в устной речи, а затем и в письменной.

Безусловно, примат устной речи в выражении эмоций неоспорим, так, рассуждая о возникновении человеческого языка и устно-поэтического творчества, Н. Ф. Алефиренко отмечает: «воображение поражала способность звуковой речи выражать мысль, глубоко воздействовать на чувства» [2, с. 18]. О. В. Александрова также говорит о том, что «человеческая мысль, совершаясь на базе языка, оформляется в речи, речь – это, как известно, и речевая деятельность и речевое образование – текст (его устная и письменная формы)» [1, с. 7].

Эмотивность обладает категориальным статусом на различных уровнях языковой системы: на фонологическом уровне (в частности, через просодические элементы языка); на морфологическом уровне (прежде всего, через словообразовательные элементы); на лексическом уровне (в существовании лексем с эмотивной нагрузкой либо через слова, приобретающие эмотивное значение в контексте); на синтаксическом уровне (через особые типы предложений, а также через расположение слов в предложении и др.).

Безусловно, выражение эмоций в устной речи отличается от средств и способов выражения эмотивности в письменной речи. Последняя, в свою очередь, позволяет выразить эмоции более тонко, в некотором смысле более осознанно. Для решения вопросов реализации эмотивной функции в письменном тексте в научном сообществе сформировалась отдельная лингвистическая дисциплина, О. Е. Филимонова дает ей следующее определение: «эмоциология текста, то есть изучение репрезентации эмоций в тексте» [13, с. 8]. Особый интерес для исследователей языка в эмотивном плане представляет, бесспорно, художественный текст.

На сегодняшний день в лингвистике существует проблема корреляции лексиконов эмоций различных языков мира. Кэрролл Э. Изард, например, утверждает, что фундаментальные эмоции имеют одни и те же выражения и эмпирические характеристики в весьма различных обществах, на всех континентах земного шара [8]. С физиологической или социально-психологической точки зрения данное утверждение более чем справедливо. Интонационные особенности и невербальное сопровождение устной речи также могут совпадать у представителей различных обществ, например восходящий тон высказывания и приподнятые брови как выражение удивления. Однако для репрезентации эмоций в письменной речи часть способов оказывается недоступной.

Так, зачастую невозможность использовать для выражения эмоций просодические составляющие вынуждает автора компенсировать их за счет использования эмотивной лексики (аффективов), фразеологизмов либо создавать необходимый эффект с помощью средств синтаксического или фонетического уровней. Стоит отметить, что большую роль в выражении эмоций ученые отводят междометиям. Ш. Балли утверждает, что «значения, передаваемые междометиями, до бесконечности разнообразны и имеют множество оттенков...» [4, с. 51]. Однако в этом свойстве кроется и их недостаток, так как в письменной речи порой невозможно понять, какую именно эмоцию передает то или иное междометие. Так, в произведениях Н. Калитина «Бултамни» («Охотник») и «Бугады мо» («Священное дерево»), написанных на эвенкийском языке, используется ряд междометий, например, междометие *хэ* – ну, *ах/эх* (может также переводиться на русский язык частицей «да») встречается в следующих предложениях: *Хэ, бэе, тар со бултамни...* [9, с. 45] (Ну/да, этот человек – хороший охотник...) (*здесь и далее перевод мой – Н. З.*), *Хэ, со хэгды ин уэнэчэ...* [Там же, с. 46] (*Да/эх, столько времени прошло...*), *Хэ, Харгиткар...* [Там же, с. 48] (*Ах/эх, злодеи...*). Междометие *кэ* – ну (может переводиться частицами «вот», «давай») [17] также используется достаточно активно: *Кэ, булгучэмчилдеуэвун нуаннунин* [9, с. 50] (*Давай/Ну, мы поговорим с ним*), *Кэ, химат, илкаллу!* [Там же] (*Давай/Ну, вставай, быстро!*), *Кэ, боكونиктын!* [Там же] (*Ну, догнали!*). Также в текстах используются междометия *э* – а, ага (может переводиться как «ладно», «конечно» [17]), *хэй* – хэй, *эй*: – *Си сачас? – ханууктачан Степан. – Э-э, – дявчан Гирго* [9, с. 49] (*– Ты знал? – спросил Степан. – Ага-а/да-а (контекст подразумевает выражение сожаления), – ответил Гриша*), *Бейю манавракин, эва ольдянутын, экурди мэрвэр улильдеуэтын митнул, долборгидадыл тэгэлты, хэй?* [Там же, с. 41] (*Когда закончатся все животные, что будет, чем себя кормить будем, северный народ, хэй/эй?*). Примечательно, что междометия для выражения эмоций в анализируемых текстах используются достаточно мало. На их долю приходится всего 9% от всех использованных средств выражения эмотивности. Вероятно, такой низкий процент связан с тем, что автору приходится использовать дополнительные средства выражения эмоций, как правило эмотивную лексику, либо

искать другие способы выразить необходимые эмоции. Стоит отметить, что, по мнению А. Вежицкой, «имеется весьма тесная связь между жизнью общества и лексикой языка, на котором оно говорит» [7, с. 263-264]. Данное утверждение справедливо и для эмотивной лексики в том числе.

Стоит отметить, что использование эмотивной и оценочной лексики является наиболее продуктивным способом выражения эмоций в эвенкийском художественном тексте: *энэлгэл* – лентяи (< *энэлгэ* – ленивый, лентяй), *би аявуукив* – я любил (< *аяву* – любить, увлекаться), *минду ая бицкин* – мне было хорошо (< *ая* – хороший), *сот урунивкин* – такой радостный (< *урунивки* – радостный), *эрунчу* – плохо, *сот мэргэлчэв* – так расстроился (< *мэргэл* – огорчиться, расстроиться), *би хальдыам* – мне стало стыдно (< *халдя* – стыдиться, стесняться), *тар хитэн* – это чушь (< *хитэн* – чепуха, пустяк, ерунда), *минџи мэргэнми* – мое горе (< *мэргэн* – горе, печаль, тоска, скорбь), *харгиткар* – злодеи, негодяи (< *харги* – злой дух, черт, леший, негодяй, разбойник, гад), *чанитыл* – злодеи, разбойники (< *чанит* – разбойник, бандит, враг), *хэкэрико* – больно, обидно (< *хэкэри* – обидеть, досадить, колоть, болеть), *дулбусал* – глупые, дураки (< *дулбу* – глупеть, *дулбун* – глупый, дурак) и др. Всего на долю средств лексического уровня приходится 44%.

Тем не менее стоит отметить, что в совокупности средства синтаксического уровня используются более активно, на их долю приходится 49% от общего количества использованных средств. Чаще всего автор прибегает к использованию риторических вопросов, восклицаний, обращений: ...*экундук дептылэчил, тэтыгэчил бидерэ* [9, с. 33] (откуда у них будет еда, одежда), *Эва-ка би гундем хитэсэдули?* [Там же, с. 40] (что же я говорить зря стану?), *Нуџан экун, хэлэкэ? Эчэ* [Там же] (Он что, лишний? Нет), *Кэ, бокониктын!* [Там же, с. 50] (Ну, догнали!). Зачастую риторические вопросы и восклицания сочетаются с эллипсисом и парцелляцией. Особенно ярко подобное сочетание иллюстрирует отрывок, когда попытка внука распилить священное дерево на дрова приводит в ярость его деда – старого охотника, хранителя традиций: *Эва одярас таду!.. Хунадэрэс! – дэрэн уалэм, эсалин тыкулил, – дялилсун биси?.. Агиду манавчал мол? Экун хунадевки Бугадыва мова?!.. Харгиду учивдярас? Гирго, синџи-кэ дылис иду?* [Там же, с. 48] (Вы что там делаете!.. Пилите! – он изменился в лице, глаза стали злыми, – в своем уме?.. В лесу кончились деревья? Кто пилит священное дерево?!.. Лес мучаете? Гриша, твоя-то голова где?).

Средства морфологического уровня, напротив, задействованы крайне мало, на их долю приходится всего 6%, притом, что эвенкийский язык по своему строю является агглютинативным, иными словами, доминирующим способом словообразования и словоизменения в этом языке является присоединение различных суффиксов или префиксов к основе. Однако использование суффиксов в текстах ограничивается следующими примерами: *-чан*, *-чэн*, *-чин*, выражающие пренебрежительное отношение [11, с. 90]: *этыркэчэн* – старичок, *атыркачан* – старушонка, *куџаканџчин* – ребенок, *лучаткачан* – русский парнишка, *бэеткэчэн* – парнишка, мальчишка.

Проведенный анализ использования средств различных уровней языка показал, что в большинстве случаев для выражения эмоций используются средства лексического и синтаксического уровней. Непосредственно эмотивная лексика, аффективы составляют 31% от общего количества использованных средств и способов, что в целом соотносится с позицией ученых и исследователей. Междометия, являющиеся, по мнению ученых, основными средствами репрезентации эмоций, в текстах встречаются значительно реже, составляя всего 9%.

Подобное соотношение частоты употребления тех или иных средств для выражения эмоций в письменном тексте позволяет утверждать, что автор, «производя отбор средств, удовлетворяющих его потребность в отображении мыслительной деятельности» [10, с. 66], компенсирует неэффективность одних способов выражения эмоций с помощью средств других уровней языка. Это, в свою очередь, косвенно доказывает, что реализация эмотивной функции в художественном тексте осуществляется с помощью механизмов и способов, отличных от тех, что используются в устной речи.

Список литературы

1. **Александрова О. В.** Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка): учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1984. 211 с.
2. **Алефиренко Н. Ф.** Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.
3. **Арутюнова Н. Д.** Язык и мир человека. Изд-е 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999. XV+896 с.
4. **Балии Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.
5. **Болдырев Б. В.** Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч. 1. А-П. 503 с.
6. **Болдырев Б. В.** Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч. 2. Р-Я. 484 с.
7. **Вежицкая А.** Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. XII+780 с.
8. **Изард К.** Эмоции человека [Электронный ресурс] URL: <http://www.twirpx.com/file/1082215> (дата обращения: 16.07.2016).
9. **Калигин Н. Р.** Бултамни = Охотник. Красноярск: Фонд северных литератур «Хэглэн», 1993. 54 с.
10. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
11. **Константинова О. А., Лебедева Е. П.** Эвенкийский язык: учебное пособие для педагогических училищ. М. – Л.: Госучпедгиз, 1963. 332 с.
12. **Симонов П. В.** Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. 215 с.
13. **Филимонова О. Е.** Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 448 с.
14. **Хазанкович Ю. Г.** Эвенкийская литература: учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2002. 120 с.

15. **Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности** / Ин-т языкознания; отв. ред. В. Н. Телия. М., 1991. 214 с.
16. **Шаховский В. И.** Что такое лингвистика эмоций [Электронный ресурс]. URL: http://tverlingua.ru/archive/012/shakhovsky_03_12.htm (дата обращения: 16.07.2016).
17. **Эвенкийско-русский словарь** [Электронный ресурс]. URL: <http://evengus.ru/slovari> (дата обращения: 16.07.2016).

**EMOTION REPRESENTATION IN LITERARY TEXT
(BY THE MATERIAL OF WORKS BY THE EVENK WRITER N. KALITIN)**

Zotova Natal'ya Vladimirovna
Udmurt State University
tyurikalova@mail.ru

The article describes the basic means to realize the category of emotiveness in literary text by the example of the Evenk literary works by N. Kalitin "Hunter", "The Sacred Tree". The analysis of literary texts indicates that the specific of written speech restricts using the means appropriate to realize emotive function in oral speech. Therefore emotiveness in literary text is expressed not by interjections and phonetic means but rather by the means and techniques of lexical and syntactical language levels.

Key words and phrases: emotiveness; emotion; text emotiology; written speech; oral speech; emotive function of language; affective.

УДК 81'373.21:811.512.141

Концепция этнолингвистического исследования как одно из направлений в языкознании открывает новые аспекты соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества. В данной статье проводится этнолингвистический анализ названий птиц в башкирских народных песнях. Башкирские народные песни являются ценным памятником древней культуры башкир. В названиях птиц содержатся сведения по истории и этнографии башкир, об их традициях и обычаях, ценностях и воззрениях.

Ключевые слова и фразы: тюркология; башкирский язык; языкознание; этнолингвистика; лингвофольклористика; песни; концепт.

Каримова Гульназ Рафаиловна, к. филол. н.

Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
batir7@yandex.ru

**СЕМАНТИКА НАЗВАНИЙ ПТИЦ В БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ
(ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ по проекту № 15-34-01021
«Лексика башкирского песенного фольклора в этнолингвистическом освещении».*

Зоологический пласт лексического материала башкирского языка, частично охваченный фольклорными и этнографическими исследованиями и описаниями, представляет большой интерес с этнолингвистической точки зрения. Многие представления и поверья, существующие в народе, остаются еще не в полной мере систематизированными. Имеющийся в научном обороте фольклорный материал, связанный с животными и птицами, изобилует поверьями, обрядами, выражающими древние религиозно-мифологические воззрения.

В башкирской народной культуре существуют определенные правила поведения по отношению к птицам, которые люди выполняют из века в век, соблюдая сложившиеся традиции. Рассмотрение их в комплексе помогает понять глубокую этнокультурную семантику, которая легла в основу концепта птицы, раскрыть смысл многочисленных магических обрядов, уходящих своими корнями в глубокую древность, суеверных примет, содержащих табу.

Далее переходим к разбору фактического материала, из которого возьмем лишь несколько понятий. В текстах башкирских народных песен встречается название птицы *бүзәнә* «перепелка»:

Юл буйында яткан бүзәнәне

Сапмай киттем, үлгән тургай, туп [3, с. 63]. /

Перепелку, лежащую на краю дороги,

Не зарубил я, приняв за мертвого воробья (перевод автора статьи – Г. К.).

У башкир птица *бүзәнә* «перепелка» является символом плодovitости, имеет женскую символику. В свадебном обряде башкир молодой невесте произносят следующие комплексы-благопожелания: